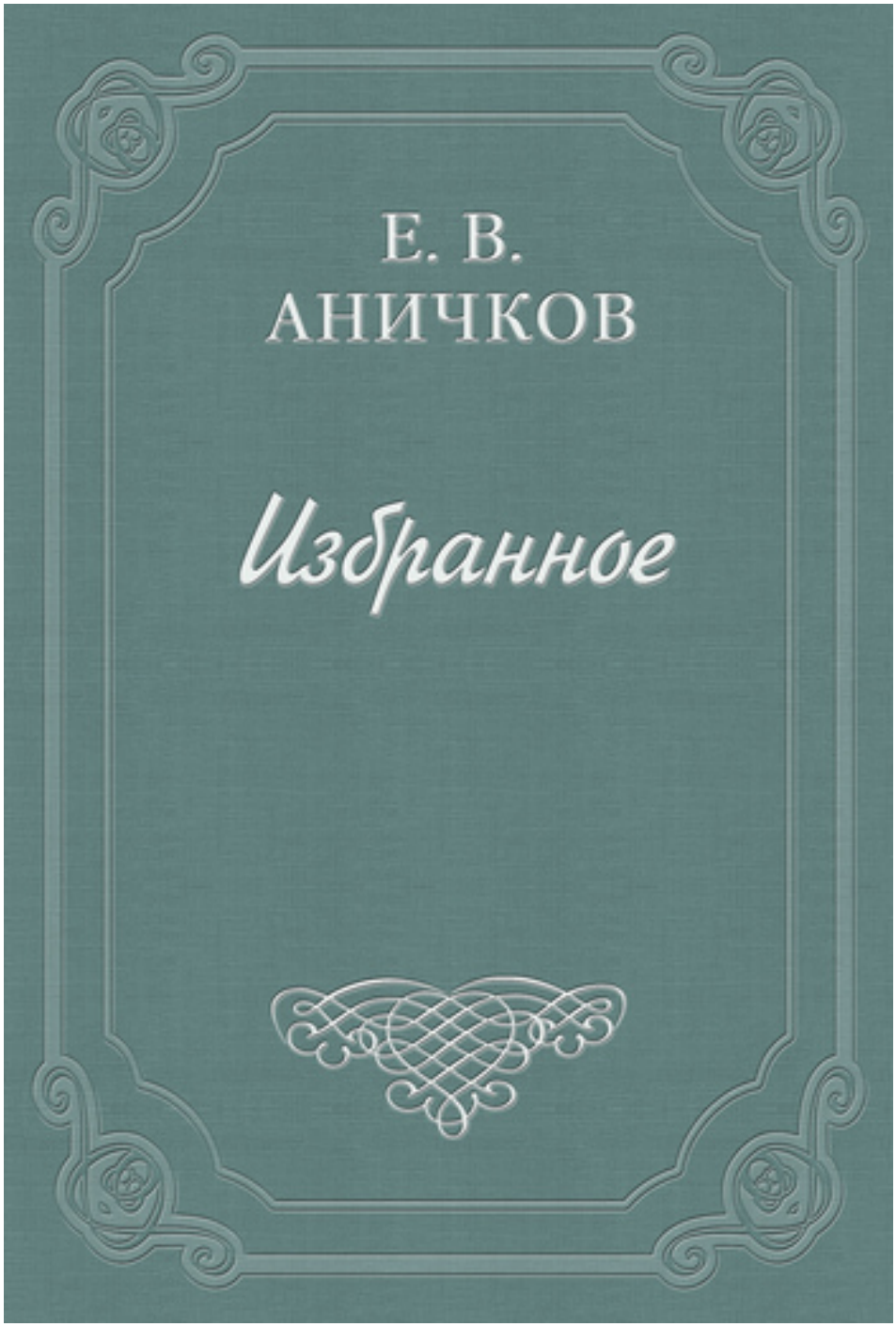
Е. В.
АНИЧКОВ
Избранное

Евгений Аничков

Шелли, Перси Биши

«Public Domain»
1895

Аничков Е. В.

Шелли, Перси Биши / Е. В. Аничков — «Public Domain», 1895

ISBN 978-5-457-36145-4

«Шелли, Перси Биши (Shelley) – один из величайших английских поэтов XIX в. Родился в графстве Сассекс 4 августа 1792 г., утонул в Средиземном море между Специей и Ливорно 8 июля 1822 г. Своей пламенной верой в полновластный и всеразрешающий разум, своим полным пренебрежением к унаследованным от прошлого человеческим воззрениям, верованиям и привычкам Ш. принадлежит еще к последователям идей века Просвещения. „Политическая справедливость“ Годвина, проникнутая целиком революционным национализмом девяностых годов XVIII в., стала очень рано его евангелием; но идеи Годвина претворились у Ш. в красивые поэтические видения, смело задуманные и своеобразные. Эти образы, воздушные и туманные, убаюкивают сознание своей дивной художественностью»

ISBN 978-5-457-36145-4

© Аничков Е. В., 1895
© Public Domain, 1895

Евгений Васильевич Аничков
Шелли, Перси Биши

(Shelley) – один из величайших английских поэтов XIX в. Родился в графстве Сассекс 4 августа 1792 г., утонул в Средиземном море между Специей и Ливорно 8 июля 1822 г. Своей пламенной верой в полновластный и всеразрешающий разум, своим полным пренебрежением к унаследованным от прошлого человеческим воззрениям, верованиям и привычкам Ш. принадлежит еще к последователям идей века Просвещения. «Политическая справедливость» Годвина, проникнутая целиком революционным национализмом девяностых годов XVIII в., стала очень рано его евангелием; но идеи Годвина претворились у Ш. в красивые поэтические видения, смело задуманные и своеобразные. Эти образы, воздушные и туманные, убаюкивают сознание своей дивной художественностью. Как поэт, Ш. принадлежит уже целиком к началу истекшего столетия, к тому блестящему возрождению поэзии, которое мы называем романтизмом. Поэтическое дарование Ш., таким образом, не вполне соответствует его миросозерцанию. Двойственность Ш., как рационалиста и романтика, мыслителя и художника, проповедника и поэта, составляет самую характерную черту его гения. «Ш. научил нас, – пишет профессор Доуден – признавать благодетельность высшего закона, тяготеющего над избранными душами, живущими ради идеи, ради надежды, и готовых претерпеть за них и попреки, и посрамление, и даже принять смерть мученичества. Но этот высший закон, как его представил себе Ш., – вовсе не добровольное подвижничество или жалкий аскетизм; Ш. и в стихах, и в прозе отдает должное музыке, живописи, скульптуре и поэзии и обогащает наше сознание их могуществом. Его только никогда не удовлетворяет эпикурейское наслаждение красотой или удовольствием. Его поэзия вливает в нас божественную тревогу, которую не могут рассеять ни музыка, ни живопись, ни скульптура, ни песня; через их посредство мы поднимаемся к какой-то высшей красоте, к какому-то вожделенному добру, которых мы, может быть, никогда не достигнем, но к которым мы постоянно и неминуемо должны стремиться» («Transcripts & Studies», стр. 100). Женственно-красивый и нежный облик Ш., с его открытым и вдумчивым взором, заканчивает обаятельность его, как поэта и как человека.

Созерцательная, склонная к мечтательности и к сильным душевным возбуждениям натура Ш. сказалась очень рано, когда еще ребенком, в поместье своего деда, он рассказывал маленьким сестрам страшные сказки и забавлялся химическими и электрическими опытами, производившими впечатление алхимии. Те же интересы преобладают и позже в Итонской школе, куда отец поэта, Тимофей Ш., деревенский сквайр, отдал своего сына, в надежде ввести его в круг избранной молодежи. В первые годы мы и здесь видим Ш. за чтением страшных романов г-жи Редклиф и Люиса и за химическими опытами. Здесь впервые жизнь показалась Ш. и своей неприглядной стороной. Суровое воспитание тогдашнего английского юношества жестоко отразилось на чувствительной душе поэта. Он долго помнил издевательства, кулачную расправу, приставанья своих товарищей и наставников. В «Лаоне и Ситне» он вспоминает о них, как о своих «тиранах и врагах». В последние годы пребывания в Итоне занятия Ш. становятся более серьезными. В нем просыпается потребность творчества. В 1810 г., когда Ш. перешел в Оксфордский университет, он уже был автором двух романов: «Цастроцци» и «Св. Ирвайн». Оба они отражают самый фантастический и грубый романтизм тогдашнего ходячего романа, но несомненно нашли себе читателей. В Итоне Шелли впервые увлекся и идеями «Политической справедливости» Годвина; его кузина Гарриэт Гров, на любовь к которой благосклонно смотрели его родители, была уже по первым письмам, пришедшим из Оксфорда, встревожена вольномыслием своего молодого друга. На первых порах в Оксфорде Ш. испытал мало новых впечатлений. Он издает

шутовские стихи, под заглавием: «Посмертные записки Маргариты Никольсон», зачитывается Платоном, Еврипидом, Лукрецием, знакомится с Франклином и Кондорсе, с философией Локка и Юма. Сам университет не произвел на Ш., по-видимому, никакого впечатления. Характерная для Ш. жажда прозелитизма и потребность высказываться быстро привели его, вместе с его товарищем и другом Гоггом, оставившим интересные воспоминания (Hogg, «Life of P. B. S.», Лондон, 1858), к крайне опасному шагу: изданию брошюры о «Необходимости атеизма». Ш. собственноручно распространял эту брошюру среди студентов, рассылал ее множеству лиц и быстро распространил ее по всему Оксфорду. Хотя имя его не стояло на заголовке, тем не менее университетское начальство вызвало Ш. на суд и, после его отказа отвечать на предложенные вопросы, постановлением 25-го марта 1811 г. исключило обоих друзей из числа студентов. О женитьбе Ш. на Гарриэт Гров не могло быть более речи. Отец Ш. на некоторое время запретил ему даже являться домой, назначив ему 200 фунтов (=2000 руб.) ежегодной пенсии, – и 19-летний Шелли раз навсегда был предоставлен самому себе. Следующие три года жизни Ш. можно назвать эпохой общественно-политических скитаний. Уже как бы приобретя венец гонимого за идею, Ш. в эти годы чувствует себя защитником угнетенных и смелым поборником правды и свободы. В таком свете представлялась ему дружба с Гарриэт Уэстбрук, пансионной подругой его сестер, дочерью богатого трактирщика, подозревавшегося и в ростовщичестве. Увезя эту шестнадцатилетнюю девочку в Эдинбург к Гоггу и женившись на ней в августе того же года, Ш. считал, что спасает ее от тирании старого Уэстбрука. Родители Ш., возмущенные таким неподходящим для наследника баронетского достоинства браком, предложили ему отказаться от наследства в пользу будущего сына или младшего брата. Это еще более укрепило Ш. в той мысли, что он служит дорогим ему идеям свободы, равенства и справедливости. В таком настроении совершил Ш. свою поездку в Ирландию, где распространял почти собственноручно свою брошюру о даровании равноправности католикам. Биографы обыкновенно подсмеиваются над этим вмешательством Ш. в политику. Хотя эта пропаганда и кажется наивной, но, читая брошюру Ш. теперь, при свете современных политических отношений Англии, нельзя не признать, что он вовсе не витал в заоблачных мечтаниях, а лишь высказывал взгляды, к которым его соотечественникам предстояло придти через три четверти века. Все в том же настроении Ш. знакомится вскоре сначала письменно, а затем и лично с Годвином, отдается со всем пылом молодости делам благотворительности (преимущественно в Тримедоке, в Карнарвоншире), издает еще целый ряд политических памфлетов и, наконец, пишет свою «Королеву Маб», с длинными примечаниями. Это первый поэтический опыт, еще слишком полный юношеского риторизма и бледнеющий перед вдохновенной лирикой его последующих поэм. Насколько молодой Ш. еще мало чувствовал себя в то время поэтом, видно из того, что во время его пребывания в «стране озер», где жили «поэты-лэкисты» – Соути, Вордсворт и Кольридж, – их поэзия мало заинтересовала Ш., хотя он и был близко знаком с Соути, и впоследствии влияние «лэкистов» сильно сказалось на его творчестве. Увлечение политическими, социальными и философскими вопросами в то время еще, по-видимому, сдерживало поэтическое дарование Ш. в слишком узких для него рамках рассудочности. Вскоре для Ш. наступили новые треволнения, и они могут считаться последним толчком к поэтическому творчеству. Через год после выхода «Королевы Маб» и рождения дочери, названной в честь героини этой поэмы тоже Ианти, Ш. расходится с Гарриэт, и сердце его воспламеняется уже настоящей любовью к дочери Годвина, Мэри. Разрыв с женой и вторичный увоз семнадцатилетней девушки много обсуждались биографами Ш. и обыкновенно толковались не в пользу поэта; в них видели прямолинейное и бездушное приложение теорий свободной любви (жена его была в то время беременна вторым ребенком и спустя два года утопилась). Разобраться в этих событиях жизни Ш. трудно. По-видимому, Ш. имел какие-то основания подозревать Гарриэт в неверности и даже не считать ее будущего ребенка своим. Гарриэт вскоре сошлась

с другим человеком, причем ее самоубийство было следствием, с одной стороны, давнишней склонности ее к такому концу, с другой – неудовлетворенности в ее новой привязанности. Бегство с Мэри Годвин (28 июля 1814 г.) сопряжено с первой поездкой Ш. в Швейцарию, где годом позже он близко сошелся со знаменитым уже в то время Байроном. Четыре года жизни Ш. с его новой подругой проходят то в Швейцарии, то в Англии. За это время в окрестностях Виндзора возник «Аластор» (1816), первое истинно поэтическое произведение. Ш. Через два года вышла в свет и вторая большая поэма, «Лаон и Ситна», более известная под заглавием «Восстание Ислама» (1818). Еще не признанный и известный лишь как автор зажигательной «Королевы Маб», Ш. стоит уже на высоте своего поэтического гения. К этому времени относится и знакомство Ш. с Ли Гентом и с юным, вдохновенным Китсом. Это вступление в литературную среду сказалось как обогащением, так и более всесторонним развитием художественных вкусов Ш. Вместе с расцветом его таланта наступает и время полной политической зрелости. Памфлет Ш. «Предложение о реформе избирательных законов во всем королевстве» (1817) указывает на серьезные знания и трезвые взгляды. Об этом свидетельствует и очерк, озаглавленный: «Философский взгляд на реформы», до сих пор не изданный, но пересказанный Доуденом в одной из его последних статей о Ш. Для взглядов Шелли этого времени в высшей степени характерны слова его в одном письме к Ли Генту. «Я принадлежу к тем, – пишет Ш., – кого ничто не может удовлетворить, но кто готов покамест довольствоваться всем, что действительно достижимо». Можно с уверенностью сказать, что юношеские увлечения Ш. разрешились бы серьезным вступлением его на политическую арену, и здесь Ш. оказался бы, вероятно, более полезным и деятельным, чем член палаты лордов Байрон. В 1815 г. баронетство перешло к отцу Ш. и поэт начал получать ежегодный доход в 1000 фунтов (=10000 руб.), обеспечивавший ему и известное положение в обществе. Но уже в 1816 г., когда утонула его первая жена, жизнь Ш. начинает принимать такой оборот, что о его личном вмешательстве в политику не может быть более речи. Против него вооружается его тесть, Уэстбрук, по ходатайству которого лорд Эльдон, как лорд-канцлер, 17 марта 1817 года постановил лишить Ш. права воспитывать своих детей от первого брака. Основанием этому послужили его связь с Мэри Годвин (несмотря на то, что в это время Ш., овдовев, уже был женат на ней) и главным образом атеистические взгляды, высказанные в «Королеве Маб». Ш. был таким образом как бы объявлен вне закона. Против него восстало и общественное мнение, преследовавшее его до самой смерти. Его поэмы также все еще не вызывали сочувствия. В горестном настроении Ш. решил покинуть родину. 11 марта 1818 г., вместе с семьей и со сводной сестрой Мэри Годвин, Марией Клермон, матерью маленькой Аллегры, прижитой ею от Байрона, Ш. уехал в Италию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.